

Научная статья

УДК 341:346

doi: 10.22394/2074-7306-2022-1-3-115-122

**СООТНОШЕНИЕ КОЛЛИЗИОННЫХ НОРМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ
И НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕГУЛИРОВАНИИ
ДОГОВОРНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ
(НА ПРИМЕРЕ СОГЛАШЕНИЯ О ПОРЯДКЕ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ,
СВЯЗАННЫХ С ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)**

Степан Олегович Куц

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия,
Краснодар, Россия, kutstefan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8008-7625>

Аннотация. В статье автором проводится исследование унифицированных коллизионных норм, содержащихся в международных договорах Российской Федерации, в соотношении с коллизионным механизмом части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации в части определения применимого права к договорным обязательствам. По итогам исследования международных договоров России, содержащих коллизионное решение для определения применимого права к договорным обязательствам, автор приходит к выводу, что только в отношениях между странами СНГ применяется коллизионная норма, основанная на устаревшей привязке *lex loci contractus*. В то же время статья 1211 ГК РФ равно как и унифицированные коллизионные нормы международных договоров с государствами, не входящими в СНГ, основаны на современной и эффективной теории характерного исполнения. Сохранение привязки *lex loci contractus* представляется сознательным курсом постсоветских государств.

Ключевые слова: международный договор, выбор применимого права, коллизионное регулирование, унификация коллизионных норм, теория характерного исполнения

Для цитирования: Куц С. О. Соотношение коллизионных норм международных договоров и национального законодательства в регулировании договорных правоотношений с иностранным элементом (на примере соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности). 2022. № 3. С. 115–122. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-3-115-122>

Problems of legislative regulation of certain spheres
in developing Russian society and state

Original article

**CORRELATION OF CONFLICT RULES OF INTERNATIONAL TREATIES AND NATIONAL
LEGISLATION IN THE REGULATION OF CONTRACTUAL RELATIONS WITH A FOREIGN
ELEMENT (ON THE EXAMPLE OF THE AGREEMENT ON THE PROCEDURE FOR RESOLVING
DISPUTES RELATED TO THE IMPLEMENTATION OF ECONOMIC ACTIVITIES)**

Stepan O. Kuts

The North Caucasian branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia,
kutstefan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8008-7625>

Abstract. Author in the article analyses unified conflict rules in international treaties of the Russian Federation in relation to the conflict rules' mechanism of the Civil Code of the Russian Federation in determining applicable law to contractual obligations. Based on international

treaties which contained conflict rules for contractual obligations author concludes that exclusively in relations among state parties of the Commonwealth of Independent States is applied a conflict rule based on an archaic *lex loci contractus*. At the same time article 1211 of the Civil Code of the Russian Federation and unified conflict rules of international treaties with states other than CIS's parties based on contemporary and effective characteristic performance theory. The preservation of the *lex loci contractus* rule seems to be a conscious course of the post-Soviet states.

Keywords: international treaty, applicable law choice, conflict rule, conflict rules unification, characteristic performance theory, *lex loci contractus*

For citation: Kuts S. O. Correlation of conflict rules of international treaties and national legislation in the regulation of contractual relations with a foreign element (on the example of the agreement on the procedure for resolving disputes related to the implementation of economic activities). *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(3):115–122. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-3-115-122>

С принятием части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и, в частности, раздела VI, в 2001 году (с учетом реформы 2013 года) российский законодатель закрепил приверженность современной правовой реальности теории характерного исполнения в вопросе определения применимого права для договорных отношений в отсутствие соглашения сторон о выборе такого права. В этом отношении А. Л. Маковский подчеркивал «значительно более гибкое, чем прежде, решение коллизионных вопросов» [1, с. 66] в связи с принятием раздела VI ГК РФ.

Конкурентные преимущества отмеченной теории многократно подчеркивались в научной литературе ввиду ее базирования на сбалансированном соотношении правовой определенности и гибкости коллизионного решения. К примеру, А. В. Асосков отмечает, что привлекательность концепции предопределила ее включение в проект Римской конвенции 1980 года в отсутствие широкого законодательного закрепления в европейских странах [2, с. 400-401]. В свою очередь Л. И. Волова подчеркивает, что введение в ГК РФ теории характерного исполнения напрямую свидетельствует об утверждении «гибких принципов определения применимого права» [3, с. 120].

В историческом развитии коллизионное регулирование договорных обязательств прошло путь от привязки к месту совершения сделки¹ через привязку к месту исполнения обязательства [4, с. 359-365; 5, с. 127-130] и теории гипотетической воли сторон [2, с. 383-385; 6, с. 23-24, 42-43] к теории характерного исполнения.

Считаем необходимым подчеркнуть, что коллизионная привязка к месту совершения сделки оценивается в доктрине как архаизм [4, с. 358-359, 5, с. 128;], потерявший свою актуальность, в том числе, из-за перехода понятия «место совершения сделки» из географического в сугубо юридическое, получающее зачастую полярную оценку в различных юрисдикциях [2, с. 374, 379; 7, с. 131; 8, с. 156]. В этой связи Дж. Чешир указывал, что «...*lex loci* [о коллизионной привязке к месту совершения сделки] плохо подходит для разрешения вопроса если, как это часто бывает, стороны заключили контракт в месте, в котором находились транзитом» [9, с. 231]. Э. Рабель подчеркивал, что «место заключения контракта потеряло свою очевидность [в необходимости применения] во всех современных ситуациях, в которых места заключения контракта как такового не существует или наличие такового не имеет значимости для целей контракта» [10, с. 460].

Сложно отрицать, что со времен Э. Рабеля и Дж. Чешира технологический прогресс сделал не один значительный шаг в развитии и создал условия для заключения договоров

¹ В представленном эволюционном развитии коллизионного регулирования договорных отношений указаны лишь основные теории в целях демонстрации развития представлений правовой науки о надлежащем правопорядке при заключении договора с иностранным элементом. Иные теории (к примеру, гражданство или место нахождения должника) опущены сознательно для наглядности представленного рассуждения.

как минимум без необходимости физического присутствия лиц, уполномоченных на такое действие. Дополнительной проверкой дистанционных способов функционирования бизнеса послужили ограничения на физические контакты, наложенные властями многих государств мира в ответ на стремительное распространение коронавируса SARS-CoV-2 в 2020-2021 годах.

Учитывая повсеместную доступность сервисов дистанционного коммуникации, а также активного использования электронной подписи, установление места заключения договора как юридического факта может стать дополнительной проблемой, связанной с правовой квалификацией при определении применимого права. На основании изложенного, позволим присоединиться к критической оценке применения в современных условиях привязки к месту заключения договора.

Между тем в настоящее время наряду с национальным коллизионным регулированием договорных обязательств в отношении Российской Федерации действует ряд международных договоров (как двусторонних, так и многосторонних), содержащих унифицированные коллизионные нормы. В практике распространение получили двусторонние договоры, зачастую именуемые договорами о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам, которые являются комплексными международными договорами, затрагивающими не только вопросы коллизионного регулирования, но и, к примеру, упрощения легализации документов, взаимного признания судебных актов, сотрудничества в сфере уголовной юстиции.

Следовательно, в соответствии с положением части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, а также пункта 1 статьи 1186 ГК РФ и согласно разъяснениям, изложенным в пункте 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) от 27.06.2017 № 23 (далее – постановление Пленума № 23)¹ и пункте 4 постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2019 № 24 (далее – постановление Пленума № 24)², при наличии унифицированной коллизионной нормы, содержащейся в международном договоре, применение национальных коллизионных норм исключается³.

Так, в пункте е) статьи 11 Соглашения стран Содружества независимых государств (далее – СНГ) от 20.03.1992 «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» (далее – Соглашение 1992)⁴, в статье 41 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск,

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 10.

³ В порядке ретроспективного исследования отметим, что изложенная позиция находила подтверждение также в пункте 8 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ) от 16.02.1998 № 29 (Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 16.02.1998 № 29 «Обзор судебной-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1998. № 4) и в пункте 11 информационного письма Президиума ВАС РФ от 09.07.2013 № 158 (Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 158 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дел с участием иностранных лиц» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»).

⁴ Соглашение стран Содружества независимых государств о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (Киев, 20.03.1992) // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1992. № 4.

По состоянию на 01.08.2022 в указанном Соглашении участвуют Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Российская Федерация, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина (Исполнительный комитет СНГ. Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. Карточка документа «Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» // URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/57#documentCard> (дата обращения 01.08.2022).

22.01.1993) (далее – Минская конвенция 1993)¹ и в статье 44 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Кишинев, 07.10.2002) (далее – Кишиневская конвенция 2002)² содержатся унифицированные коллизионные нормы для договорных обязательств с привязкой к месту совершения сделки.

Интересным кажется замечание о том, что использование устаревшей формулы *lex loci contractus* происходит исключительно в отношениях между государствами-участниками СНГ, тогда как национальное коллизионное регулирование России и унифицированные коллизионные нормы в договорах, заключенных с иными государствами, показывают приверженность теории характерного исполнения. Одновременно с этим статья 1225 модели части третьей Гражданского кодекса для стран СНГ (принята в 1996 году)³, посвященная определению применимого права к договорным отношениям в отсутствие соглашения сторон, основана на теории характерного исполнения и структурно повторяет статью 1211 ГК РФ.

Следовательно, при заключении, к примеру, договора поставки между российским юридическим лицом (поставщик), и юридическим лицом, зарегистрированным в Узбекистане (покупатель), в отсутствие соглашения сторон о применимом праве применительно к пункту е) статьи 11 Соглашения 1992 надлежащий порядок будет определяться в зависимости от места заключения сделки. Моделируя ситуацию, можно представить, что уполномоченные представители российской и узбекской компаний после встречи и успешных переговоров «на полях» Всемирного экономического форума в Давосе заключили договор поставки на территории Швейцарии. При такой модели в случае наличия разногласий по обязательствам, возникающим из такого договора, применению к договору будет подлежать швейцарское право. Применение указанной нормы в настоящее время активно осуществляют как Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (далее – МКАС при ТПП РФ)⁴, так и арбитражные суды России⁵.

Считаем необходимым отметить, что в настоящее время для России также являются действующими несколько международных договоров, подписанных до принятия части третьей ГК РФ, в которых коллизионное решение в отношении договорных обязательств основано на теории характерного исполнения. К примеру, статья 36 договора с Республикой Польша

¹ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22.01.1993) // Бюллетень международных договоров. 1995. № 2.

² Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Кишинев, 07.10.2002) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

Указанная конвенция призвана заменить Минскую конвенцию 1993 и Протокол к ней. Российская Федерация по состоянию на 01.08.2022 ратифицировала отмеченную конвенцию Федеральным законом от 30.12.2021 № 452-ФЗ «О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам», однако для России конвенция не вступила в законную силу.

³ Гражданский кодекс. Модель. Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств. Часть третья (принят в г. Санкт-Петербурге 17.02.1996 на 7-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Приложение к Информационному бюллетеню. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 1996. № 10. С. 3-84.

⁴ См. к примеру: решение МКАС при ТПП РФ от 11.07.2016 по делу № 281/2015 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»; Решение МКАС при ТПП РФ от 01.07.2016 по делу № 229/2014 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»; решение МКАС при ТПП РФ от 02.06.2016 по делу № 137/2015 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

Занимательным является тот факт, что в деле № 281/2015 МКАС при ТПП РФ отклонил доводы истца о том, что стороны фактически подписали договор в Москве и не придавали внимание указанию в реквизитах заключенного договора на город Астану как место заключения сделки. МКАС использовал формализованный подход, ограничился указанием на жесткую коллизионную привязку Соглашения 1992 и наличие в реквизитах заключенного контракта указания на место его заключения (Астана, Республика Казахстан) и применил к договору право Республики Казахстан.

⁵ См., к примеру: постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.06.2019 по делу № А40-9482/2018 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.05.2018 по делу № А40-59275/2017 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

(подписан 16.09.1996)¹, статья 36 договора с Социалистической Республикой Вьетнам (подписан 25.08.1998)², статья 24 договора с Монголией (подписан 20.04.1999)³. Идентичное положение содержалось в проекте международного договора с Республикой Куба⁴.

Одновременно с этим в части международных договоров, подписанных в сравнимый исторический период, отсутствует коллизионное регулирование договорных отношений как таковое (при сохранении унифицированных коллизионных норм для формы сделки, деликтных обязательств и динамики прав на недвижимое имущество): договор с Литовской Республикой (подписан 21.07.1992)⁵, договор с Латвийской Республикой (подписан 03.02.1993)⁶, договор с Исламской Республикой Иран (подписан 05.03.1996)⁷, договор с Республикой Кыргызстан (подписан 14.09.1992)⁸, договор с Азербайджанской Республикой (подписан 22.12.1992)⁹. Очевидным исключением видится только для договоров с Кыргызстаном и Азербайджаном ввиду подписания отмеченными государствами Соглашения 1992 на дату заключения двусторонних договоров с Россией.

Прикладывая к описанной выше модели заключения договора поставки в Швейцарии на Всемирном экономическом форуме юридических лиц, зарегистрированных в Узбекистане, Польше или Иране, при условии неизменности иных исходных данных (поставщик – российское юридическое лицо), применимое право к каждому из контрактов будет определяться тремя разными способами:

- контракт между российским и узбекским юридическими лицами по правилам пункта е) статьи 11 Соглашения 1992 будет подчинен швейцарскому праву;
- контракт между российским и польским юридическими лицами по правилам статьи 36 договора между Российской Федерацией и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам (Варшава, 16.09.1996) будет подчинен российскому праву;
- контракт между российским и иранским юридическими лицами по правилам подпункта 1 пункта 2 статьи 1211 ГК РФ будет подчинен российскому праву.

¹ Договор между Российской Федерацией и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам (Варшава, 16.09.1996) // Бюллетень международных договоров. 2002. № 5.

² Договор между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам (Москва, 25.08.1998) // Бюллетень международных договоров. 2013. № 5.

³ Договор между Российской Федерацией и Монголией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам (Улан-Батор, 20.04.1999) // Бюллетень международных договоров. 2008. № 9.

⁴ Распоряжение Президента РФ от 16.12.1997 № 513-рп «О подписании Договора между Российской Федерацией и Республикой Куба о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам» // СЗ РФ. 1997. № 51. Ст. 5793.

⁵ Договор между Российской Федерацией и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Вильнюс, 21.07.1992) // Бюллетень международных договоров. 1995. № 6.

⁶ Договор между Российской Федерацией и Латвийской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Рига, 03.02.1993) // Бюллетень международных договоров. 1995. № 10.

⁷ Договор между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам (Тегеран, 05.03.1996) // Бюллетень международных договоров. 2001. № 1.

⁸ Договор между Российской Федерацией и Республикой Кыргызстан о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Бишкек, 14.09.1992) // Бюллетень международных договоров. 1995. № 3.

⁹ Договор между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Москва, 22.12.1992) // Бюллетень международных договоров. 1995. № 5.

Очевидно, что на настоящем этапе развития коллизионного регулирования договорных обязательств в России наличие действующих унифицированных норм, основанных на привязке к месту заключения сделки (Соглашение 1992 и Минская конвенция 1993), является как минимум не способствующим унификации коллизионного регулирования договорных обязательств, как максимум – создающим дополнительную проблему, связанную с правовой квалификацией при определении применимого права, и препятствующим реализации принципа правовой определенности при применении таких норм.

А. А. Шулаков при исследовании феномена сохранения в отношениях между странами СНГ устаревшей коллизионной привязки склонился к политической причине такового – желанию упрочнить доминирование России на постсоветском пространстве ввиду заключения большинства контрактов на территории России, являющейся центром тяжести в экономическом, политическом и культурном плане, и последующего распространения российского права на такие контракты [11, с. 154-155]. Отыскание причин включения *lex loci contractus* в Соглашение 1992, Минскую конвенцию 1993 и Кишиневскую конвенцию 2002 видится нецелесообразным и непродуктивным в свете целей и задач настоящего исследования.

Одновременно с этим отметим, что проблема соотношения архаичной унифицированной коллизионной нормы и более эффективной коллизионной нормы национального законодательства находится в плоскости взаимодействия международного частного и международного публичного права [12, с. 512-554]. Указанная проблема находится в прямой зависимости от политической воли государства, органы власти которого принимают решение как о подписании, изменении и (или) прекращении действия того или иного международного договора [13, с. 386], так и об изменении национального законодательства в области коллизионного регулирования.

Сохранение коллизионной привязки к месту заключения сделки в отношениях между странами СНГ видится сознательным выбором как в целом на уровне государств-членов отмеченной региональной международной организации, так и в частности со стороны Российской Федерации. Последнее подтверждается принятием в конце 2021 года Федерального закона о ратификации Кишиневской конвенции 2002 без каких-либо оговорок и (или) заявлений в отношении статьи 44¹.

На основании изложенного можно сделать вывод, что коллизионное регулирование договорных обязательств на уровне национального законодательства России проводится на основе теории характерного исполнения с адаптацией такой теории к российской правовой реальности. Одновременно с этим в ряде действующих международных договоров между государствами-участниками СНГ (Соглашение 1992, Минская конвенция 1993) содержится архаичная унифицированная коллизионная норма в отношении договорных отношений, основанная на привязке к месту совершения сделки. То есть в действующем коллизионном регулировании договорных отношений в России наблюдается проблема обратная процессу унификации.

Обозначенная проблема находится в прямой зависимости от политических решений на современной международной арене. На настоящий момент сохранение коллизионной привязки к месту совершения сделки в отношениях между странами, входящими в СНГ, видится сознательным выбором государств-участников Соглашения 1992, Минской конвенции 1993 и Кишиневской конвенции 2002.

Список источников

1. Маковский А. Л. Кодификация гражданского права и развитие отечественного международного частного права. Кодификация российского частного права; под редакцией Д. А. Медведева. М.: Статут, 2008. 336 с.

¹ Федеральный закон от 30.12.2021 № 452-ФЗ «О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» // СЗ РФ. 2021. № 1 (часть I). Ст. 21.

2. Асосков А. В. Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизионного регулирования договорных обязательств: диссертация ... доктора юридических наук; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. М., 2011. 545 с.
3. Волова Л. И. Новеллы коллизионного регулирования трансграничных обязательственных отношений после модификации норм VI Раздела третьей части ГК РФ // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 2. С. 116-122.
4. Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 640 с.
5. Звеков В. П. Коллизии законов в международном частном праве. М.: Волтерс Клувер, 2007. 416 с.
6. Новикова Т. В. Принцип наиболее тесной связи в механизме коллизионно-правового регулирования. М.: Статут, 2021. 182 с.
7. Международное частное право: учебник / Л. П. Ануфриева, К. А. Бекашев, Г. К. Дмитриева [и др.]; ответственный редактор Г. К. Дмитриева. М.: ТК Велби, Издательство Проспект, 2008. 688 с.
8. Вилкова Н. Г. Договорное право в международном обороте. М.: Статут, 2002. 511 с.
9. Geoffrey C. Cheshire, *Private International Law*. The English Language Book Society and Oxford University Press. 6th ed. 1961. 733 p.
10. Ernst Rabel, *The Conflict of Laws: A Comparative Study* Vol. 2. Ann Arbore eds., Chicago, Callaghan & Company, The University of Michigan Press. 1947. 705 p.
11. Шулаков А. А. Принцип наиболее тесной связи в международном частном праве: диссертация ... кандидата юридических наук; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). М., 2013. 206 с.
12. Ануфриева Л. П. Соотношение международного публичного и международного частного права (сравнительное исследование правовых категорий): диссертация ... доктора юридических; Российский государственный торгово-экономический университет. М., 2004. 627 с.
13. James R. Crawford, *Brownlie's Principles of Public International Law* Oxford University Press. 8th ed. 2012. 803 p.

References

1. Makovskiy A. L. *Codification of civil law and development of domestic private international law*; Medvedev D.A. ed. Moscow: Statut, 2008. 336 p. (In Russ.)
2. Asoskov A. V. *Norm-forming factors affecting the content of conflict-of-laws regulation of contractual obligations*: dissertation ... doctor of Law; Moscow State University named after M. V. Lomonosov. Moscow; 2011. 545 p. (In Russ.)
3. Volova L. I. Novelties of conflict-of-laws regulation of cross-border binding relations after modification of the norms of section VI of the third part of the Civil Code of the Russian Federation. *Severo-Kavkazskiy Yuridicheskij Vestnik = North Caucasus Legal Vestnik*. 2021;(2):116-122. (In Russ.)
4. Asoskov A. V. *Conflict rules' regulation of contractual obligations*. Moscow: Infotropic Media; 2012. 640 p. (In Russ.)
5. Zvekov V. P. *Conflicts of laws in private international law*. Moscow: Wolters Kluwer; 2007. 416 p. (In Russ.)
6. Novikova T. V. *The principle of the closest connection in the mechanism of conflict rules' regulation*. Moscow: Statut; 2021. 182 p. (In Russ.)
7. *Private International Law*: textbook / Anufrieva L. P., Bekyashev V. A., Dmitrieva G. K. et al; Dmitrieva G. K. ed. Moscow: TK Welby, Prospect Publishing House; 2008. 688 p. (In Russ.)
8. Vilкова N. G. *Contract law in international circulation*. Moscow: Statut, 2002. 511 p. (In Russ.)
9. Geoffrey C. Cheshire, *Private International Law*. The English Language Book Society and Oxford University Press. 6th ed. 1961. 733 p.

10. Ernst Rabel. *The Conflict of Laws: A Comparative Study*. Vol. 2. Ann Arbore ed., Chicago, Callaghan & Company, The University of Michigan Press. 1947. 705 p.

11. Shulakov A. A. *The principle of the closest connection in private international law*: dissertation ... candidate of Law Science; Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MGUA). Moscow; 2013. 206 p. (In Russ.)

12. Anufrieva L. P. *Correlation of public and private international law (comparative study of legal categories)*: dissertation ... doctor of Law; Russian State Trade and Economics University. Moscow, 2004. 627 p. (In Russ.)

13. James R. Crawford. *Brownlie's Principles of Public International Law*. Oxford University Press. 8th ed. 2012. 803 p.

Информация об авторе

С. О. Куц – магистрант факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридический факультет) Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия, помощник судьи Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.

Information about the author

S. O. Kuts – master (graduate) student, faculty of training specialists for the judicial system (Law faculty), The North Caucasian branch of The Russian State University of Justice, judge's assistant of the Arbitration Court of the North Caucasus District.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 02.08.2022; одобрена после рецензирования 13.09.2022; принята к публикации 14.09.2022.

The article was submitted 02.08.2022; approved after reviewing 13.09.2022; accepted for publication 14.09.2022.